

Неосознанность искажения ценностного содержания материнства обусловлена тем, что речь идет о социальных процессах, являющихся для женщин внешними, как бы заданными правилами, которые в процессе социализации интериоризируются без надлежащей рефлексии и способны повлечь негативные последствия.

Как представляется, в изучении того насколько верно формы, в которых предстает сегодня материнство, способны отразить его ценностную (идеальную) составляющую следует искать криминологически значимые черты, способные указать детерминанты жестокого обращения матери с ребенком. Под формами материнства мы понимаем определенные социальные модели выполнения материнской роли, содержащие набор установок, касающихся стандартов общения и взаимодействия матери и ребенка, распространенные в обществе представления о том, каковы должны быть пределы допустимого физического воздействия на ребенка и какими средствами должны формироваться в личности ребенка предпочтительные для современного человека качества. Подобный взгляд предполагает одновременное обращение как бы к двум нормативным системам: ценностной (мораль, право), содержащей идеал материнства и социальной, отражающей современные тенденции трансформации института семьи и материнства. Но именно такой анализ является продуктивным и позволит увидеть детерминанты, как внутрисемейной преступности, так и раскрыть факторы отдельных видов преступлений, в частности, преступности несовершеннолетних, обусловленные проблемами взаимодействия матери и ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под. ред. док. юрид. наук, проф. Д.А. Шестакова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 353 с.
2. Трансформация института семьи и семейные ценности / О.В. Кучмаева [и др.] // Вестн. славянских культур. – 2009. – № 3. – Том XIII – С. 20–29.
3. Левина, А.А. Семья в системе ценностей современной молодежи: социологический аспект [Электронный ресурс] / А.А. Левина // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 10. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/28016>. – Дата доступа: 24.06.2015.

УДК 343.148

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ И РОЛЬ В ДОКАЗЫВАНИИ

К.Е. ХАЖЕНЕЦ

(Представлено: канд. юрид. наук Е.В. ДЕХТЯРЕВ)

Рассмотрены особенности назначения и проведения судебной экспертизы, подробно рассмотрены этапы оценки экспертного заключения; выявлены принципы оценки заключений экспертов, а также показана их роль в доказывании

В современном уголовном процессе четко прослеживается тенденция расширения использования специальных знаний для достижения объективной истины и увеличения роли судебно экспертизы в формировании доказательственной базы по уголовным делам. Изучение научных исследований свидетельствует, что оценка заключения эксперта по-прежнему остается краеугольным камнем уголовного и гражданского процессуального права. Длительная история существования данного института, наряду с повышением роли экспертных заключений при принятии правоприменительных решений, свидетельствует о наличии широкой теоретической, связанной с непониманием истинной роли экспертных исследований в доказывании, и как следствие, не правильным их оцениванием сторонами.

По общему правилу уголовного процесса доказательства равны перед законом и никакие доказательства не имеют заранее установленной силы для лиц, их оценивающих. Вместе с тем совершенно ясно, что увеличение объема знаний, относящихся к специальным, расширение объема применяемых при исследовании объектов экспертизы новейших методов, усложнение приборной базы несомненно требуют особенных форм и методов оценки соответствующих заключений.

В научной литературе сформулировано множество подходов к оценке заключения эксперта. Так, Р.С. Белкин, отмечал, что «критически анализируя заключение эксперта, следователь должен: а) проверить соблюдение процессуального порядка подготовки, назначения и проведения экспертизы и оценить последствия его нарушения, если таковое допущено; б) проверить соответствие квалификации и опытности эксперта предмету экспертизы; в) убедиться в полноте заключения, в том числе и предшествовавшего выводам исследования; г) оценить научную обоснованность заключения; д) оценить содержащиеся в заключении эксперта доказательства с точки зрения их относимости к делу, допустимости и места в системе иных доказательств» [1, с. 287].

Анализ и обобщение научных исследований позволило выделить несколько «условных» этапов оценки любого экспертного заключения: соблюдение общих процессуальных норм; оценка самого заключения на предмет полноты, достоверности и аргументированности выводов; соответствие выводов другим имеющимся по делу доказательствам.

Проверка соблюдения процессуальных норм, касающихся в первую очередь соблюдения прав участников процесса при назначении и производстве экспертизы, имел ли право эксперт на производство этой экспертизы (его квалификация, специальность, отсутствие оснований для отвода и т.п.), правильно ли процессуально получены объекты и образцы для исследований; существуют ли иные процессуальные нарушения, делающие заключение эксперта юридически недействительным (например, отсутствие подписи эксперта) и т.д. Все нарушения такого плана приводят к юридической несостоятельности экспертизы и дальнейшая оценка уже не требуется. Применительно к доказательствам данный этап оценки во многих научных исследованиях, связывается с проверкой допустимости заключения эксперта.

Под допустимостью понимают пригодность сведений, установленных экспертным путем, именно в качестве судебных доказательств и возможность их использования в доказывании. При определении допустимости доказательств учитывается: соответствие субъекта экспертизы (эксперта) определенным требованиям; законность источников, средств, приемов и других условий получения доказательств и их использования. Это означает, что те доказательства, которые получены с нарушением требований норм закона, являются недопустимыми, не имеют юридической силы, не могут использоваться для доказывания.

Стадия непосредственной оценки самого заключения является наиболее специфической, так как следователь или судья не являются специалистами в отдельных отраслях знаний. Так, основная трудность оценки состоит в том, что заключение эксперта – это документ, содержащий описание исследования, проведенного лицом, обладающим специальными знаниями, а выводы по вопросам, поставленным перед экспертом, оцениваются субъектом, ведущим производство по уголовному делу и не имеющим специальных знаний в данной области. Но это совершенно не означает, что указанные лица не способны оценить заключение.

Как отмечает А.В. Аверьянова, содержательная сторона оценки заключения эксперта включает в себя научную обоснованность применяемых методов, средств, методик исследования; правильность и правомерность использования последних; логичность умозаключений эксперта; полноту и обстоятельность проведенного исследования; правильность выявленных экспертом признаков и, как результат, обоснованность сделанных им выводов; соответствие последних промежуточным результатам и проведенному исследованию в целом, их логическую непротиворечивость [2, с. 462].

Вот что писал по этому поводу В.К. Лисиченко: «При проверке методической стороны заключения следователь и суд должны выяснить: а) правильно ли избрана методика исследования и полно ли она описана в заключении; б) обеспечивает ли проведенное исследование решение поставленных вопросов, описаны ли применявшиеся приемы и технические средства (приборы, реактивы и др.), какие получены результаты, их мотивированность; в) какие положения специальных знаний использованы экспертом для обоснования результатов исследования; г) достаточно ли было представленных материалов для исследования и выводов эксперта; д) соответствуют ли проведенные исследования уровню развития специальных знаний и возможности данного вида судебной экспертизы» [3, с. 33].

Третьим и заключительным этапом проверки экспертного заключения можно считать проверку его соответствия другим имеющимся по делу доказательствам. Она проводится в уголовном судопроизводстве – дознавателем, следователем, прокурором, судом, а в гражданском судопроизводстве – только судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в деле, а также получением иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. После полного, всестороннего и объективного рассмотрения каждого из них, необходимо переходить к обнаружению противоречий между ними и их устранению. Совокупность именно всех доказательств, а не некоторых выборочных, должна не оставлять никаких сомнений в правильности итогового вывода по делу.

Следует отметить, что вопросу оценки заключения эксперта в совокупности с иными доказательствами уделялось значительное внимание задолго до формирования теоретических основ судебной экспертизы. Еще в дореволюционную эпоху возникла концепция обязательной силы экспертных заключений, в основу которой был положен взгляд на эксперта как на научного судью. Есть судьи права и судьи факта. Эксперт – это судья факта, выводы которого по делу фактически не подлежат оценке наряду с другими доказательствами [2, с. 465]. Данный взгляд активно поддержал известный русский процессуалист Л. Е. Владимиров, по мнению которого «эксперты, основывающие свое заключение на какой-либо науке, суть научные судьи, приговор которых является решением специального вопроса в деле». Он утверждал, что «судьи и присяжные не могут критически относиться к экспертизе, для понимания оснований которой требуется ряд лет научных занятий. Им остается только следовать авторитетному указанию экспертов». И констатировал: «Суд самостоятелен в выборе экспертов. Но раз последние выбраны – судья следует за ним, как слепой за пастухом» [4, с. 197].

Были и оппоненты у данной точки зрения, среди которых, прежде всего, следует назвать Г. Гросса. Вот что он писал по этому поводу: «Никогда не следует забывать, что даже самый лучший эксперт не есть уголовный судья и что заключение эксперта только тогда получает надлежащую цену, когда оно исходит как бы от лица самого следователя, в котором предполагаются соединенными все специальные знания» [5, с. 4]. Такое положение можно объяснить тем, что следователи того времени, не разбираясь достаточно профессионально в примененных экспертом методах, технических средствах и экспертных методиках, следователь и суд вынуждены были в большинстве случаев полагаться на авторитет либо эксперта, либо автора методики или метода, либо органа или учреждения, давшего «добро» на применение данной методики. При таком положении дел ни о какой оценке не могло быть речи, если вместо убежденности основанием становилась вера. В современном же уголовном производстве такой подход к оценке экспертизы неприемлем.

Следует иметь в виду, что заключение экспертизы может быть оценено также с точки зрения формы вывода. Так, выводы эксперта могут иметь форму категорического или предположительного заключения. Категорический вывод свидетельствует о том, что в результате исследования установлены признаки, которые, по мнению эксперта, достаточны для достоверного разрешения поставленного перед ним вопроса. Если же обнаруженные признаки не обеспечивают безусловной достоверности вывода, но позволяют судить о факте с высокой степенью вероятности, эксперт дает предположительное заключение. Независимо от формы вывода эксперта он должен быть оценен по существу, с точки зрения его фактической обоснованности и непротиворечивости. Информация о факте, полученная посредством экспертизы, сопоставляется с информацией о том же факте, полученной из других источников. Такой метод обеспечивает всестороннюю проверку заключения эксперта и достаточную надежность итогового вывода следователя и суда о подлежащем установлению обстоятельстве.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что заключение экспертизы оценивается по общим правилам оценки доказательств. При этом само заключение экспертизы должно быть оценено с точки зрения его допустимости, содержательной стороны проведенного исследования, а также соответствия другим доказательствам, имеющимся в деле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин, Р.С. Собрание, оценка и исследование доказательств / Р.С. Белкин. – М., 1966. – 295 с.
2. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. – М. : Норма, 2009. – 480 с.
3. Лисиченко В. К. Особенности проверки и оценки заключений экспертизы на предварительном следствии и в суде / В. К. Лисиченко // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1982. – Вып. 24. – С. 30–36.
4. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – СПб., 1910. – 331 с.
5. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как системы криминалистики / Г. Гросс. – СПб., 1908. – 1088 с.

УДК 343.148

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕРОЯТНОСТНЫХ ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТА, СДЕЛАННЫХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РЕШЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ЗАДАЧ

К.Е. ХАЖЕНЕЦ

(Представлено: канд. юрид. наук Е.В. ДЕХТЯРЕВ)

Рассматриваются особенности оценки и возможность использования следователем и судом предположительных (вероятностных) выводов эксперта, при решении последним идентификационных задач. Делается вывод о том, что использование вероятностных выводов эксперта можно использовать при обосновании процессуальных решений.

Вероятностный вывод – это заключение эксперта, при котором он не может в категорической форме ответить на поставленный вопрос. По мнению отдельных ученых, такое заключение экспертизы не вправе служить ни обвинительным, ни оправдательным доказательством в силу вытекающего из презумпции невиновности и не знающего никаких исключений правила, в силу которого приговор не может основываться на предположениях. Однако такое положение фактически лишает следователя и суд ценной доказательственной информации в тех случаях, когда эксперт не находит достаточных оснований для категорического ответа. Особенно явно это проявляется при проведении экспертиз, направленных на решение идентификационных задач. Например, в последние годы в судебной медицине, особенно при исследовании биологических объектов, широко используется метод генотипоскопии (ДНК-анализа), доказательность результатов применения которого имеет различную степень, но никогда не достигает